

УДК 821.161.1

Историзм и история в творчестве И.А. Гончарова¹

Мельник Владимир Иванович

Доктор филологических наук, профессор,
Государственная академия славянской культуры,
129337, Российская Федерация, Москва, Хибинский проезд, д. 6;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема понимания истории в творчестве И.А. Гончарова. На примере романа «Обломов» показано, что романист мыслил исторически широко: в романе сталкиваются не столько социальные уклады (феодализм – капитализм), сколько широкие культурно-цивилизационные эпохи. Соответственно строится поэтика «типа» и «сверхтипа».

Для цитирования в научных исследованиях

Мельник В.И. Историзм и история в творчестве И.А. Гончарова // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 3. С. 9-20.

Ключевые слова

История, историзм, античность, современность, поэтика, «тип», «сверхтип».

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 14-04-00286 «Этика и поэтика И.А. Гончарова».

Введение

Долгое время было принято считать, что Гончаров, как и многие его современники, русские писатели, изображал столкновение двух социальных укладов: нарождающегося буржуазного и патриархально-крепостнического. В эту

схему очень удобно укладывались оппозиционно настроенные друг к другу пары героев: Петр Адуев и его провинциальный племянник, Штольц и Обломов. Историзм Гончарова почти идеально совпадал с историзмом марксистской критики, мыслившей классовыми категориями (под эту схему подгонялись все оригинально мыслившие писатели, даже Л. Толстой и Ф. Достоевский – что уж тут говорить о Гончарове).

Однако чем глубже уяснялся образ мышления Гончарова-художника, тем теснее ему становилось в узких рамках марксистского историзма. Гончаров мыслил категориями не классов, а культурно-цивилизационных эпох. То, что и Л. Толстой, и Ф.М. Достоевский, и Гончаров ощущали и отражали в своем творчестве резкий слом эпох, совершенно очевидно. И упомянутые пары героев, участвующие в «диалогическом конфликте», несомненно, отражают борьбу в русском обществе старых патриархально-крепостнических и новых буржуазных отношений. Все это так, но сердцевина гончаровского историзма не в этом. Дело в том, что писатель ощущал смену не социальных формаций (феодалы и буржуазия), но глобальный надлом хода мировой истории как завершающегося целого.

Проблема историзма для творчества И.А. Гончарова – одна из основных. Касаясь современности, писатель всегда вставлял ее в широчайший контекст мировой истории. Достаточно вспомнить ту разворачивающуюся картину мировой жизни, которую начертал художник во «Фрегате «Паллада». Отсюда необыкновенная глубина его художественных обобщений, отсюда его особенная мудрость в воззрениях на жизнь. Сложное и колоритное по духу сплетение истории и современности – одна из стилевых особенностей художника. Историзм писателя находит прямое выражение в поэтике его произведений.

Сегодня во всяком случае уже совершенно ясно, что, говоря о Гончарове как о большом русском писателе, мы имеем основания ставить вопрос о создании им не только «типов», в которых отразились «целые уклады» русской жизни, но и «сверхтипов», в которых выразилось приближение художника к исследованию человеческой природы, его тяготению к «вечным» мировым образам.

Каким образом Гончарову удастся художественно «насытить» историческую ретроспективу происходящих на наших глазах событий? И как глубоко уxo-

дит эта ретроспектива? Ограничивается ли она у романиста «патриархальным помещичье-крепостническим укладом жизни» или простирается еще далее?

Легко проследить, каким именно образом формируется взаимодействие современного и исторического у Гончарова на примере античных мотивов в романе «Обломов». Романист глубоко знал античную культуру и философию, всю жизнь постигал ее идеалы красоты гармонии, меры, постоянно и настойчиво соотнося их с современной ему действительностью. Античность была для него ориентиром в его попытках воплотить положительный жизненный идеал.

Античность в романе «Обломов»

Письма, статьи, романы Гончарова буквально насыщены античными реминисценциями. В письме к М.М. Стасюлевичу от 18 сентября 1869 года Гончаров шутил: «Младый Ахилл в стане Атридов Вестника Европы – Евгений Исаакович, передал мне Ваш поклон, любезнейший Агамемнон Матвеевич...» [Лемке, 1912, т. IV, 82]. Примеров шуточного обыгрывания известных мифологических и литературных образов, а также реальных имен античных писателей, философов у Гончарова можно найти очень и очень много, причем не только в эпистолярном роде, но и в произведениях. Вспомним хотя бы «Обыкновенную историю»: «Поглядел Адуев пристально на начальника отделения: точно Юпитер-громовержец: откроет рот – и бежит Меркурий с медной бляхой на груди, протянет руку с бумагой – и десять рук тянутся принять ее» [Гончаров, 1997, т. 1, 227]. Или роман «Обломов»: «Вот какая философия выработалась у обломовского Платона... И родился и воспитан он был не как гладиатор для арены, а как мирный зритель боя...» [Гончаров, 1998, т. 4, 474]. Не говорим уже про последний роман писателя, буквально пронизанный античными реминисценциями.

Далеко не всегда сближения с античностью носили у Гончарова иронический или шуточный характер. В «Необыкновенной истории» художник признавался, что его мечтой была горацянская умеренность, кусок независимого хлеба, перо и тесный кружок самых близких друзей.

В романе «Обломов» античность является постоянным историческим и нравственным фоном всего происходящего. То это воспоминание об идилли-

ческих временах, возвратиться к которым мечтает Обломов, то прямые, иногда иронические, в сущности, сравнения... То автор вдруг замечает, описывая хозяйство вдовы Пшеницыной: «Надо перо другого Гомера, чтоб исчислить с полнотой и подробностью все, что скоплено было во всех углах, на всех полках этого маленького ковчега домашней жизни. Кухня была истинным палладиумом деятельности великой хозяйки...» [Гончаров, 1998, т. 4, 470].

На наш взгляд, понятие «старое» у Гончарова не ограничивается исключительно «помещичье-крепостническим укладом жизни», оно включает в себя нечто более широкое. Дело в том, что Гончаров остро ощущал свою эпоху как эпоху глубочайших сломов и преобразований в жизни и сознании человечества. Столкновение патриархального и буржуазного сознания для писателя не только русская, но и мировая проблема. С Обломовкой для Гончарова уходила в историю не только крепостническая деревня, но и в известном смысле образ жизни и сознание, развивавшиеся в течение тысячелетий человеческой истории.

Обломовцы поэтому – представители не только крепостной русской деревни, но и всего древнего мира, отсюда насыщенность «Сна Обломова» античными реминисценциями, постоянное сопоставление с мифологическими по своему характеру образами древнегреческого мира. Крестьяне-обломовцы сравниваются автором с древними греками: «Крестьяне в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге, которая была их Колхидой и геркулесовыми столпами... а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны» [Гончаров, 1998, т. 4, 103]. Няня Илюши Обломова сравнивается с Гомером, повествующим простодушно «о подвигах наших Ахиллов и Улиссов», излагающим «илиаду русской жизни» [Гончаров, 1998, т. 4, 116-117]. Между древнегреческим мифом и русской сказкой в «Сне Обломова» существует ясно подчеркиваемая автором параллель. Хозяева и гости обломовского имения спят так, как могут спать только мифологические «олимпийцы». Точно так же они смеются: «хохочут долго, дружно, *несказанно*, как олимпийские боги» [Гончаров, 1998, т. 4, 130].

Подобные сравнения необычайно раздвигают рамки художественного обобщения писателя, вскрывают исторический генезис изображаемой Гонча-

ровым патриархальности. Старый мир оказывается в романе не только миром русским и не только крепостническим. Отсюда сложное сплетение в «Сне Обломова» сатиры, отрицания, с одной стороны, и идиллии – с другой. Гончаров прекрасно видел двойную нравственную природу патриархальности (будь то античность или современная ему российская Обломовка) и соответственно ее оценивал. Именно эта Обломовка и породила весьма противоречивый характер Ильи Ильича, в котором борются «золотое сердце», «чистота» гуманного человека, с одной стороны, и крепостническое барство – с другой. Принципы типизации у Гончарова предполагают совмещение современности и истории в едином художественном образе. Историческое линейное время совмещено в романе со временем циклически-мифологическим (см.: [Тюрикова, 2014]).

Античность связана для романиста с тем уровнем художественного обобщения, на котором проявляются положительные свойства человеческой природы – в противоположность отрицательным свойствам «социально-бытовых» напластований на эту природу, на человеческую натуру, для Гончарова изначально прекрасную (вспомним детство Илюши Обломова, его постепенное превращение из «человека» в «помещика»). Античность – это в романе то гармоничное целое, «обломком» которого и является Обломовка. То, что было в античности прекрасным и несло в себе идею «золотого века» (ретроспективно осмысляемую человечеством), в Обломовке обезображено современными для Гончарова социальными противоречиями. Это искаженные, изуродованные «обломки» прежней гармонии.

Идея «золотого века» выражается целым комплексом признаков: тишина, спокойствие, отсутствие дурных страстей, душевная щедрость, долгожительство, изобилие. Весь этот комплекс представлен во многих произведениях античности и, в частности, в «Трудах и днях» Гесиода:

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела... В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен...

(перевод В. Вересаева)

«Золотой век» – очевидная утопия. Гончаров в «Сне Обломова» как раз и показывает, как происходит разрушение утопии под напором социальных условий. Как детство Ильи Ильича в романе противопоставлено итоговому состоянию его нравственного развития, так и античность с ее «золотым веком» соотносится с крепостнической Обломовкой. Гончаров останавливает внимание читателя на всех компонентах идеи «золотого века», составлявших некогда гармонию античной жизни и перечисленных Гесиодом, но показывает, во что они превратились.

«Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою». Божественность олимпийцев, заключающаяся прежде всего в полноте проявления природных свойств, отмечена в обломовцах автором. Они не смеются, они «хохочут... как олимпийские боги», – замечает романист. Таков же их сон, таковы же их трапезы: «Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» В этом изобильном многообразии проявляется та же олимпийская божественность, что и в долгом, дружном, олимпийском смехе. Обломовцы, как и положено олимпийцам, обладают «спокойной и ясной душою».

Современник Гончарова, поэт А.А. Фет в стихотворении «Золотой век» также выделяет эту божественную полноту жизни, основанную прежде всего на «ясности души», «незлобности»:

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханный
Блаженствовал незлобный человек.

Гончаров подчеркивает: «Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют и в нравах людей в том краю» [Гончаров, 1998, т. 4, 103].

Но впечатление полноценной идилличности обломовской жизни, несомненно, ложно. Дело в том, что спокойствие, ясность, в конечном счете «божественность» жизни в Обломовке – иллюзорны, ибо это «божественность» растительной жизни. Полно проявляются здесь лишь биологические, но не духовные свойства человеческой природы. Совершенно очевидно, что Гончаров

идет здесь по следам Н.В. Гоголя, сходным образом использующего античные мотивы в «Старосветских помещиках». «Спокойствие» обломовцев – признак духовной смерти. Эпизод с мужиком, который свалился от болезни близ Обломовки и которому не была оказана помощь, не случайно введен автором: «спокойствие» обломовских обитателей – это спокойствие эгоизма («Горя не зная, не зная трудов...»).

...И печальная старость

К ним приближаться не смела...

В пирах они жизнь проводили,

А умирали, как будто объятые сном...

Долгожительство – еще одна привилегия «олимпийцев». Утопическая мысль, возвращавшаяся памятью к «золотому веку», постоянно упоминала мотив счастливого долгожительства. В «Греческой Хронике Георгия Амартола» встречаются образы счастливых рахманов – «долгоживцев», обитающих в «утренней Индии». В «Сказании об Адаме и Еве и о блаженных людях, которые называются нагомудрецами и совлекли с себя все страсти», написано: «Жизнь наша беспечальна и продолжается многие годы...»

Гончаров выделяет в мотиве долгожительства признак не вечной жизни, но вечной, хотя и незаметной, смерти. Все это находит в «Сне Обломова», разумеется, реалистическое выражение: «В последние пять лет из нескольких сот душ не умер никто, не то что насильственной, даже естественной смертью» [Гончаров, 1998, т. 4, 104]. К обломовцам, как и к героям Гесиода, также не смеет приближаться «печальная старость»: «Там жили долго; мужчины в сорок лет походили на юношей...» Но «юность» ли, «молодость» ли это? Нет, писатель вновь и вновь, с различных сторон подходит к одному и тому же, подчеркивая видимую полноту и гармонию растительной, бездуховной жизни, окружающей главного героя. Мужчины, в сорок лет похожие на юношей, для автора неестественны, в них он обнаруживает и подчеркивает духовное уродство, ненормальность. «Олимпийцы» Гесиода умирают незаметно, «как будто объятые сном». Эта мысль проводится романистом в отношении обломовцев – мнимых «олимпийцев»: «Старики не боролись с трудной мучительной смертью, а дожив до невозможности, умирали как будто украдкой» [Гончаров, 1998, т. 4, 121].

Можно упомянуть еще некоторые мотивы (изобилия, «остановившегося времени» и др.), обнаруживающие параллель между изображаемой Гончаровым Обломовкой и утопией «золотого века», берущей свое начало в античности. Ограничимся, однако, сказанным. Важно обнаружить сознательность предпринятого писателем сопоставления и обнажить сущность авторского замысла. По нашему мнению, он заключается в диалектическом подходе к нравственным ценностям старой Обломовки. Разоблачая крепостнический уклад, автор в то же время показывает, что «патриархальность» некогда таила в себе здоровые начала, проявляющиеся и ныне, но в уродливой форме «обломков» былой гармонии.

Заключение

Гончаров в принципе не мыслит себе изображение современности без углубления в историю, ему органически присуще чувство исторической перспективы. История и современность у Гончарова взаимопроникновенны, безрезультатными были бы все попытки разделить в его поэтике, в том числе и в принципах типизации «современное» и «историческое», «социальное» и «психологическое», «общественное» и «философское».

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что писатель односторонне проверяет историей – современность, «сверхтипом» – тип. Неразрывная связь того и другого предполагает и обратный процесс. Античность, например, в «Сне Обломова» – это не только исторический исток и фон современной автору Обломовки, она сама есть предмет анализа. То, что столь ясно проявляется в XIX веке, скрыто существовало и в идеалах «золотого века». В гончаровском романе ощутима известная ирония в отношении этих идеалов. Для писателя характерен диалектический подход не только к современности, но и к истории: в античности автор обнаруживает как гармонию, полноту проявления «человечности», так и зародыши бездуховной, растительной жизни.

Таким образом, сопрягая в целостном образе современное и историческое, социально-бытовой тип и философско-психологический «сверхтип», художник строит свою концепцию не только определенного периода развития рус-

ской действительности («трех эпох русской жизни»), но и свою концепцию мировой истории.

В 1920 году Е.А. Ляцкий, один из авторитетнейших исследователей творчества Гончарова, писал о том, что «историческая точка зрения была чужда Гончарову» [Ляцкий, 1920, 184]. Так ли это? Думается, что нет. Автор «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва» рассматривает человека всегда в строгих рамках социально-исторической действительности. Но этим его историзм не ограничивается. Через современность герои Гончарова связаны с историей, с большим временем прошлого и будущего. Гончаров мыслит текущую современную жизнь в широком историческом обрамлении.

Говоря о «токах истории», пронизывающих гончаровские произведения, невозможно обойти вопрос о специфике выражения исторического у писателя. У Достоевского история проявляется как «история идей». Раскольников в «Преступлении и наказании» может, например, «примерять» на себя наполеоновскую идею «все дозволено». Иное в романах Гончарова. История здесь не выдается, она как бы тщательно замаскирована автором, и тем более писатель далек от того, чтобы прямо формулировать, обозначать то, ради чего проводится та или иная историческая аналогия. История в «Обломове», «Обрыве» выражена мощно и одновременно сдержанно, крайне лаконично – через быт. Быт Обломовки и Малиновки, быт Грачей, в их связи с последующей эволюцией характера главного гончаровского героя, оказывается проникнутым воздухом исторического времени.

Последнее замечание – о метафизике христианства в произведениях Гончарова. Естественно, что глубоко религиозный Гончаров ориентируется прежде всего на неизменные христианские ценности, о чем мы многократно и подробно говорили в наших работах (см.: [Мельник, И.А. Гончаров как религиозная личность..., 1995; Мельник, О религиозности..., 1995]). Однако у писателя христианство не противопоставлено движению истории. Напротив, история осмысливается им как «движущееся христианство», как постепенно разворачивающийся замысел Божий, в котором человеку доверена огромная роль: «превратить пустыню в сад» («Фрегат «Паллада»). Апокалиптический мотив не входит в гончаровские тексты. В последнем романе Райский говорит: «Мир идет к счастью, к успеху, к совершенству!» Это убеждение и самого романиста.

Библиография

1. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. СПб.: «Наука», 1997. Т. 1.
2. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. СПб.: «Наука», 1998. Т. 4.
3. Лемке М.К. (ред.) М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. IV.
4. Ляцкий Е.А. Гончаров: жизнь, личность, творчество. 3-е изд. Стокгольм: Северные огни, 1920. 377 с.
5. Мельник В.И. И.А. Гончаров как религиозная личность (биография и творчество) // *Studia Slavica Hung.* 1995. № 40. С. 23-32.
6. Мельник В.И. О религиозности Гончарова // *Русская литература.* 1995. № 1. С. 203-212.
7. Тюрикова Ю.М. Образы времени в искусстве Древнего мира // *Культура и цивилизация.* 2014. № 6. С. 57-70.

Historicism and history in the works by I.A. Goncharov

Vladimir I. Mel'nik

Doctor of Philology, professor,
State Academy of Slavic Culture,
129337, 6 Khibinsky passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Abstract

The article addresses the problem of understanding history in the works written by I.A. Goncharov. When writing about modernity, the writer always embedded it in the widest context of world history. The author of the article uses the novel "Oblomov" in order to show that the novelist thought historically big: in the

novel there is more confrontation of epochs of culture and civilization than that of social patterns (feudalism – capitalism). The writer's historicism manifests itself in the poetics of his works. The author of the article points out that there are reasons to think that the writer created not only "types" that reflect the specific periods of the life in 19th-century Russia, but also "supertypes" in which the writer turned to the study of human nature and which reflect the writer's inclination for building up "eternal" world images. This explains the extraordinary profundity of his artistic generalizations, the peculiar wisdom reflected in his attitude to life. The author of the article pays special attention to two features of the writer's historicism: a complex combination of history and modernity and its Christian basis. Moreover, the author points out that the writer did not contrast Christianity and the movement of history.

For citation

Mel'nik V.I. (2015) Istorizm i istoriya v tvorchestve I.A. Goncharova [Historicism and history in the works by I.A. Goncharov]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 3, pp. 9-20.

Keywords

History, historicism, antiquity, modernity, poetics, "type", "supertype".

References

1. Goncharov I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v dvadtsati tomakh* [Complete works and letters in twenty volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ.
2. Goncharov I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v dvadtsati tomakh* [Complete works and letters in twenty volumes]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka Publ.
3. Lemke M.K. (ed.) (1912) *M.M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske* [Correspondence of M.M. Stasyulevich and his contemporaries]. Vol. 4. St. Petersburg.
4. Lyatskii E.A. (1920) *Goncharov: zhizn', lichnost', tvorchestvo* [Goncharov: life, personality, works]. 3rd ed. Stockholm: Severnye ogni Publ.

5. Mel'nik V.I. (1995) I.A. Goncharov kak religioznaya lichnost' (biografiya i tvorchestvo) [I.A. Goncharov as a religious person (his biography and works)]. *Studia Slavica Hung.*, 40, pp. 23-32.
6. Mel'nik V.I. (1995) O religioznosti Goncharova [On Goncharov's religiosity]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1, pp. 203-212.
7. Tyurikova Yu.M. (2014) Obrazy vremeni v iskusstve Drevnego mira [Images of time in the art of ancient world]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6, pp. 57-70.